

УДК 908(571.17) «1860/1880»

ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СРЕДА КУЗНЕЦКОГО КРАЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Статья I. Приходы Русской православной церкви

Морозов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: oven.777@mail.ru

Внимание к теме обусловлено отсутствием специальных исследований, посвящённых культурологическому анализу состояния поликонфессиональной среды, включавшей институты всех мировых религий, присутствовавших на территории Кузнецкого края в пореформенный период, важный для понимания истоков трансформации духовной сферы, которая произошла на этапе строительства индустриальной базы в Кузбассе. Определены структурные особенности общего религиозного ландшафта края в части определения численности духовенства во всех конфессиях, размеров групп верующих и количества действовавших храмов.

Выделена система приходов Русской православной церкви, объединённых в благочиния. Рассмотрены особенности богослужебной деятельности местных священников, уровень их материального обеспечения, участие в культурной жизни приходов и в образовательном процессе. Рассмотрены примеры многолетнего ревностного служения церкви, как со стороны лиц духовного звания, так и церковнослужителей и рядовых прихожан.

Отмечено многообразие проявлений религиозности, обусловленное увлечением населения обрядовой стороной служб в ущерб их внутреннему переживанию верующими, удалённостью местожительства от храма, проживанием в городе или сельской местности, соседством со старообрядцами. Установлено особо возвышенное отношение жителей края к святым образам (Архангела Архистратига Михаила, Святого Николая Чудотворца, Пророка Илии, Богородиц), символизирующим защиту и заступничество.

Ключевые слова: Кузнецкий край, Мариинский округ, Кузнецкий округ, поликонфессиональная среда, Русская православная церковь, духовенство.

POLYCONFESSIONAL ENVIRONMENT OF THE KUZNETSK REGION DURING THE POST-REFORM PERIOD

Article I. Parishes of Russian Orthodox Church

Morozov Nikolay Mikhailovich, PhD in History, Sr. Researcher, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Office of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oven.777@mail.ru

The attention to a subject is caused by lack of the special researches devoted to the culturological analysis of a condition of the polyconfessional environment including the institutes of all world religions which were

present at the territory of Kuznetsk region during the post-reform period is important for understanding the sources of transformation of the spiritual sphere which happened at the stage of constructions of industrial base in Kuzbass. Structural features of the general religious landscape of the territory regarding the determination of number of clergy in all the faiths, the sizes of groups of believers and the number of the operating temples are defined.

The system of parishes of the Russian Orthodox Church united in deaneries is allocated. Features of liturgical activity of local priests, the level of their material security, participation in cultural life of parishes and in educational process are considered. Examples of long-term zealous service to the church, as are reviewed from persons of a ministry, and clergymen and ordinary parishioners.

The variety of manifestations of religiousness caused by admiring the rituals of the population for the ceremonial party of services to the detriment of their internal experience by believers, remoteness of a residence from the temple, residence in the city or rural areas, the neighbourhood with Old Believers is noted. Especially sublime relation of residents of the region to the sacred images (the Archangel Arkhistratiga Mikhail, Saint Nicholas The Wonderworker, Eli the Prophet, the Virgin symbolizing the protection and protection is established.

Keywords: Kuznetsk region, Mariinsky district, Kuznetsk district, polyconfessional environment, Russian Orthodox Church, clergy.

Конфессиональная проблематика является одной из базовых в понимании истоков культуры народов, специфики их общественной организации, глубинных и многих лежавших на поверхности мотивов движения духовной и материальной жизни, предопределявших отношения и поступки людей, находившихся на различных ступенях социальной иерархии. В этой связи изучение в культурологическом контексте деятельности конфессий на территории Кузнецкого края открывает возможности не только выделить традиции и механизмы их наследования поколениями верующих, но и выявить местную специфику возникавших между ними (конфессиями) неформальных отношений, степень их включенности в повседневную жизнь населения в данный период истории.

В пореформенное время (1860–1880) на фоне существенных политических и экономических изменений в Российской империи, захвативших и Сибирь, активной экспансии в просвещённые отечественные умы научных и либеральных идей, религиозная культура традиционно продолжала занимать центральное место в духовной жизни всего населения Кузнецкого края. Более того, его многоконфессиональный облик формировался благодаря ссыльным и усилившемуся притоку добровольных переселенцев из европейской части страны. Ответной реакцией самодержавной власти на новые веяния явилась деятельность гу-

бернской и окружных властей, по-прежнему нацеленная на сохранение господствующих позиций православной церкви.

Для русского населения Сибири христианские каноны в православной версии, послужившие в XIV–XVI веках духовным фундаментом объединения народов, составивших ядро Московского царства и нарождающейся российской цивилизации, и в XIX веке оставались основополагающими в сохранении традиционных ценностей, идеальных представлений о человеке и его месте в окружающем мире. В повседневной жизни верующие люди, в том числе и крещёные инородцы, старались соотносить свои мысли и поступки с заповедями Божиими, центром их духовных исканий были размышления о душе, покаянии и подготовке к испытаниям, когда наступит время предстать перед вратами Небесного царства.

Самой многочисленной низовой структурой официальной церкви, организующей религиозную жизнь населения, являлись приходы Томской епархии. В их границах на территории Мариинского и Кузнецкого округов, согласно опубликованной губернской статистике, в 1869 году проживали чуть более 163 тысяч душ обоёго пола православного вероисповедания, или 90,01 % от общей численности жителей. В 1882 году их количество возросло до 230 тысяч, но доля снизилась до 84,3 % (см. табл. 1).

Таблица 1

Конфессии в Мариинском и Кузнецком округах [14, с. 55, 57, 101; 15, с. 26–29, 31]

Округа	1869 год				1882 год			
	г. Мариинск	Мариинский округ	г. Кузнецк	Кузнецкий округ	г. Мариинск	Мариинский округ	г. Кузнецк	Кузнецкий округ
Численность духовенства (муж.)								
Православное белое	10	204	24	237	9	143	17	215
Единоверческое	-	4	-	8	-	-	-	-
Римско-католическое	2	-	2	-	-	-	-	-
Иудейство	-	-	-	-	-	-	-	-
Мусульмане	-	8	-	-	-	5	-	-
Численность жителей по вероисповеданию (муж./жен.)								
Православие	3198 2419	30033 27382	1725 1635	48412 48312	6315 5021	44426 42033	3740 3521	61685 63282
Единоверчество	-	-	-	568 590	12 2	37 24	-	-
Старообрядцы	83 62	458 421	-	197 205	307 93	293 310	-	146 148
Католицизм	129 51	1069 284	10 4	-	307 93	973 625	8 12	-
Протестантство	-	-	-	-	10 5	-	-	-
Иудаизм	165 108	174 168	-	-	277 141	227 214	3 1	-
Мусульманство	14 13	688 627	1	-	135 153	770 646	-	4559 2944
Язычество	-	-	-	3665 3440	-	672 608	-	3238 3285
Всего населения	3589 2453	32422 28832	1736 1639	52841 57547	7155 5540	47398 44460	3751 3534	69938 90995
Количество церквей (камен./дерев.)								
Православные церкви	1 1	3 29	3 -	2 40	1 1	3 34	4 -	2 41
Православные часовни	-	1 6	- 2	- 101	-	- 1	- 2	- 101
Единоверческие	-	-	-	-	-	-	-	1
Синагоги	-	-	-	-	1	2	-	-
Мечети (дерев.)	-	2	-	-	-	3	-	-

Вызовы, с которыми в середине XIX века столкнулось общество и господствующая конфессия, способствовали поиску со стороны светских и церковных властей новых решений в её организационном устройстве на местном уровне, соответствующих основной цели – духовного окормления стремительно прибывающего населения. Святейшим Синодом и иерархами осознавалась необходимость более пристального внимания к строительству новых и ремонту обветшавших церквей и часовен, обеспечению их инвентарём для ведения богослужебной деятельности в полном объёме. Не решённой оставалась проблема дефицита священнослужителей и повышения уровня их квалификации. С ростом количества вновь образованных приходов для прихожан объективно повышалась доступность храма. Но ещё много крестьян проживало в отдалённых деревнях, и им приходилось преодолевать путь к священнику, длиною в несколько десятков и более вёрст, надолго отрываясь от жизненно важной хозяйственной деятельности. Поэтому у некоторых сельских и городских обывателей перерывы в общении с духовными наставниками по различным причинам измерялись не только годами, но и десятилетиями, что не способствовало укреплению в их сознании православной веры.

В XIX веке в звене непосредственного руководства и контроля за священно- и церковнослужителями наметились существенные изменения. При духовных правлениях, соотносимых с уездным уровнем, учреждались благочиния, включавшие от 9 до 13 церквей. В 1869 году поименование благочиний по фамилии их глав было заменено нумерацией. В 1871 году на территории Кузбасса в с. Пачинском располагался центр благочиния № 7 с приписанными к нему 4 церквями южной части Томского округа и 10 – Кузнецкого. В Мариинском округе действовали три благочиния: № 9 (9 церквей с центром в с. Кольонское); № 10 (13 церквей, благочинный – священник Александр Стольпинский, пребывание в с. Туендинском); № 11 (9 церквей, с. Итат).

В Кузнецком округе находились три благочиния: № 12 (16 церквей, священник Анемподист Станков, центр – с. Бачатское); № 13 (13 церквей, священник Захарий Кротков, г. Кузнецк); № 14 (9 церквей Кузнецкого округа и 1 – Барнаульского, священник Иоанн Бенедиктов, центр – г. Кузнецк) [14, с. 25, 29, 52–53]. Согласно Ин-

струкции 1857 года, кроме широкого круга обязанностей, связанных со строительством (ремонт) храмов и материальным обеспечением богослужебной деятельности, благочинный контролировал численность населения в приходах, поведение причта¹ на службе и в быту, полноту выполнения священниками и их штатными помощниками возложенных обязанностей, вёл установленную отчётность, отвечал за правильность ведения исповедных и метрических книг и другой разнообразной документации [1, с. 61].

Должность благочинного являлась выборной. На епархиальных съездах проходила процедура обсуждения и голосования за наиболее соответствующую на данную вакансию кандидатуру священника, имеющего солидный стаж церковной службы, богатый жизненный опыт и безупречную нравственную репутацию. Томский епископ утверждал вновь избранного благочинного в должности на три года и этот срок продлевался, если иерархом и его администрацией (консисторией) отмечались успехи и отсутствие существенных недостатков в управлении закреплёнными приходами. Таким способом были отмечены заслуги протоиереев Преображенского собора г. Кузнецка Павла Стабникова (прослужившего в храмах России 50 лет) и Захария Кроткова, которые проработали в должности благочинного продолжительное время, соответственно: первый – с 1857 по 1869 год, и второй – с 1870 по 1885 год [18, с. 101–102].

Трудно переоценить влияние священнослужителей на умы городских обывателей и сельских жителей сибирской глубинки, какой ещё оставалась территория Кузнецкого и Мариинского округов в пореформенный период. Со стороны верующих к лицам духовного звания было обращено повышенное внимание, и к ним предъявлялись особые требования. Если прихожане важными считали такие качества иерея, как душевность и нравственная чистота, то церковные власти имели ввиду гораздо больший перечень моральных и деловых достоинств.

подавляющее большинство священников являлись выпускниками семинарий или духовных училищ. Дьяки, дьячки и псаломщики долж-

¹ Причт – священнослужители (священник, дьякон) и церковнослужители (устар. причетники), не имеющие священного сана (псаломщик, пономарь (устар. дьячок), певчие, сторожа, просвирни).

ны были иметь экзаменационные свидетельства о знании причетнических предметов и умении вести школьное дело. Вступая в духовное сословие, они не платили подушную подать и не несли рекрутскую повинность, но принимали присягу укреплять прихожан в православной вере и соблюдать законы российского государства. Запрещалось служить вместе с родственниками в одном храме, удаляться от него без разрешения благочинного более чем на 25 вёрст и более, чем на сутки, посещать увеселительные заведения, играть в азартные игры, принимать алкоголь, курить, браниться, вмешиваться в мирские дела, венчать незаконные браки и мн. др. [7, с. 108]. За проступки следовало наказание в виде штрафов, понижения в чине, вплоть до лишения сана.

Однако повседневная жизнь была намного богаче, чем прописанные в циркулярах ситуации. Нередко, чтобы прокормить семью, сельский батюшка наравне с крестьянами занимался хозяйственными делами, как единственный грамотный в округе писал за сельчан прошения и т. д., поэтому реальные отношения, конечно, не ограничивались только пастырскими.

В практике ставления на вакантный священнослужительский чин или место причетника ещё сохранялись отголоски бытовавшей в XVIII веке выборности. Прихожане выдавали претенденту своё «безобходное» письменное одобрение. И, наоборот, на имя Томского епископа можно было направить обоснованное прошение о замене клирика, скомпрометировавшего себя поступками, неприличными в обществе.

Состав причта регулировался штатным расписанием, согласно которому приходы, насчитывающие менее 700 душ мужского пола, должны обслуживать 2 клирика – священник и псаломщик, а более 700 душ – священник, дьякон и псаломщик.

Несомненно, их ревностное отношение к обязанностям питалось силой духа и стремлением достойно исполнить своё земное предназначение безропотным выполнением возложенного послушания. Тем не менее, для белого духовенства немаловажным источником служебного вдохновения являлось материальное обеспечение семьи. Скудность этого источника способствовала расхождению между должным и сущим в поведении некоторых священнослужителей,

нелицеприятные примеры которого становились предметом обывательских пересудов. Хронический дефицит и нестабильное поступление средств на содержание храма вели к нерегулируемому завышению платы за требы. Поэтому крестьяне нередко жаловались в консисторию по поводу чрезмерно дорогого венчания браков – за 40, 50 и более рублей, погребения – до 100 рублей, что для некоторых прихожан служило дополнительной причиной уклонения от уплаты прочих церковных сборов и проживания в невенчанном браке [2, с. 177–178].

Как отмечал в 1868 году секретарь Томского губернского статистического комитета князь Н. А. Костров, «сельский священник может считать себя материально обеспеченным только тогда и в той мере, в какой он умел приобрести себе расположение прихода, хотя такое расположение в большей части случаев приобретает не иначе, как пожертвованием самих священников обязанностей духовного служения. Правда, у сельского священника есть для жительства общественный дом, на содержание своё он получает в известном размере хлебную ругу², наконец, он пользуется от них вознаграждением за исполнение духовных треб. Но для того, чтобы дом находился в должном состоянии, <...> приходится иногда кланяться обществу, угождать ему, смотреть сквозь пальцы на его духовные проступки, – чтобы собрать ругу, – ездить по деревням, составляющим приход, снова кланяться, и, таким образом, унижать себя и терять время, которое при другом порядке вещей могло быть с пользой употреблено на распространение слова Божия <...> Понятно, что всё это несколько не ведёт к укреплению тех уз взаимного доверия, уважения и любви, которые должны существовать между пастырем и его духовным чадом» [10, с. 531–532].

Типичной выглядела ситуация с причтом Ильинской церкви (Кузнецкое благочиние), где к началу 1860-х годов вместо положенных по штату пяти должностей (два священника (один из них старший), дьячок, пономарь, причетник), службы при отсутствии гарантированного жалования вели: один священник, дьячок и пономарь. Батюшка пользовался общественным домом, а дьячок снимал жильё за свой счёт. Выделенными десятинами сенокосной и пашенной земли они

² Руга – выделение храму земельного надела, выплата духовенству жалования деньгами или зерном.

не пользовались, но вместо того получали от прихожан добровольное подаяние хлебом [20].

Светские и церковные власти признавали недопустимость неудовлетворительного материального благосостояния большинства священников, которое полностью зависело от достатка прихода. В эпоху реформ 1860–1870-х годов составлялись проекты по активному привлечению общественности к участию в хозяйственной жизни церкви, предусматривавшие, в том числе, умножение способов денежного обеспечения клира. Однако намерения правительства повсеместно выплачивать фиксированное жалование из-за дефицита средств в казне так и не были реализованы.

В Положении от 16 апреля 1869 года о составе приходов и причтов было изложено требование пересмотра границ приходов и оптимизации состава клира, что неизбежно вело к увеличению его служебной нагрузки. Предусматривалось увеличение доходов приходских церквей за счёт сокращения их общего количества с учётом, главным образом, численности закреплённого населения, вместимости храма, расстояния между деревнями и ближайшей церковью [16, с. 520–521]. Храмы, не отвечавшие требованиям, переводились в приписные церкви к более крупным приходам с сокращением дьяконских мест. Намеченные изменения были проведены в Томской епархии в первой половине 1870-х годов. В этот период существенно сократились штаты приходов Мариинска и Кузнецка. Общий итог проведённой кадровой реформы можно представить по отчётам Томского губернского статистического комитета, согласно которым в семьях священнослужителей количество душ мужского пола сократилось с 32 (1872) до 17 (1874), а в сельской местности указанных округов – с 447 до 407 [4, л. 3; 3, л. 2] и далее в текущем десятилетии почти не изменялось.

Основу содержания причта составляли даяния прихожан за исполнение треб: крещение, исповедь, венчание, отпевание и т. д. Определённые суммы поступали от кружечных и кошелековых сборов, продажи свечей и огарков. Главным распорядителем средств, ответственным за приобретение и сохранность церковного имущества и зданий, содержание кладбища, исполнение работ церковнослужителями (сторожами, женщинами, пекущими просвири и другими нанятыми на работу лицами) являлся церковный староста. Кандидат на эту должность избирался мирянами

из числа жителей прихода в присутствии причта и благочинного на три года (с правом переизбрания на следующий срок) из лиц мужского пола не моложе 25 лет. При вступлении в должность он принимал присягу. В уездных городах и сёлах староста из крестьянского сословия носил особый кафтан и освобождался от всех обязательных отработок и телесных наказаний. Представителю из других сословий (мещан, купцов) полагался мундир X класса.

По окончании срока и за исправное несение службы староста получал от епархиального архиерея похвальный лист. Беспорочное служение в течение более длительного времени поощрялось сообразно званию и заслугам. Плодотворной была признана деятельность старосты Одигитриевской церкви (г. Кузнецк) мещанина А. И. Винтовкина (1865–1884), награждённого нагрудной серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте. Андрей Аверкиев Ожигов – староста Николаевской церкви с. Тяжинского – при избрании на третий срок был представлен к награде со стороны Святейшего Синода за неоднократные личные пожертвования и значительное увеличение церковного капитала [1, с. 48].

Поступавшие в церковную казну деньги учитывались в приходно-расходных книгах. Суммы, накопленные в размере до 200 и более рублей, обязательно помещались в Государственный банк.

Уровень материального обеспечения городских священнослужителей, в сравнении с сельскими, существенно не отличался. Об этом красноречиво свидетельствуют архивные документы, как, например, «Ведомость о Градокузнецкой Одигитриевской церкви за 1866 год», сообщавшая, что: «Пахотной и сенокосной земли отведено 99 десятин³, на которую имеется межевая книга и план, выданный из Барнаульского Горного правления от 14 декабря 1864 года. Дома: у священника, диакона и пономаря собственные. На содержа-

³ Согласно Положению 1869 года, городским и сельским причтам выделялось по 99 десятин сенокосной и пахотной земли, на которых священно- и церковнослужители могли вести хозяйственную деятельность, часть сдавать в аренду крестьянским обществам, получая взамен оговорённые объёмы зерна (ржи) в качестве хлебной руги. В действительности, далеко не все клирики имели возможность или навыки заниматься сельским хозяйством, но и крестьяне редко нуждались в церковной земле, имея свою в достатке [21, с. 18].

ние священно-церковнослужителей жалования не откуда не получается, но по завещанию умершей вдовы Кузнецкой мещанки Акилины Зайковой, на помин души ея, в пользу причта имеется билет в 500 рублей. Содержание прескудное» [19, с. 109].

В окружных центрах доходы церквей хотя и были выше, но соразмерно высокими являлись и обязательные траты на повседневную богослужебную деятельность и текущее содержание храмов. Сюда же чаще поступали крупные суммы добровольных пожертвований. Так, в пользу Одигитриевской церкви и Собора во имя Преображения Господня (г. Кузнецк) в различные годы были перечислены средства: от мещанина З. Фамильцева – 2500 руб. серебром, надворной советницы А. Н. Катанаевой – 500 руб., купеческой вдовы А. И. Куртегешевой – 500 руб., купца Минусинского округа Г. Ананьина – 500 руб., мещанина П. А. Шебалина – 150 руб. и др. [18, с. 63].

Если доброхот не оговаривал порядок распределения средств, то доходы делились следующим образом: деньги могли быть положены в банк под проценты с последующим их использованием с разрешения прихода и консистории для текущих нужд, на ремонтно-строительные работы. Даяния, выделенные для оплаты труда, по официально установленному порядку делились в следующих пропорциях: священнику – 3 части, дякону – 2 части и псаломщику – 1 часть.

Между мирянами и причтом складывались неоднозначные отношения. С одной стороны, нерегулярное соблюдение частью прихожан православных обрядов сочеталось с традиционным отношением к церкви «как неотъемлемой части общих забот по благоустройству селения» [1, с. 74]. С другой – наряду с многочисленными примерами самоотверженной заботы клира о поддержании духовных сил верующих его отдельными представителями в атмосфере наличия устойчивого шлейфа девиантного поведения в повседневной жизни обывателей допускались выходки, противоречащие чину священнослужителя. Но, при всём при этом, «местные священники обычно пользовались поддержкой и защитой местной паствы» [12, с. 126, 128].

Своё понимание имеющегося многообразия проявлений религиозности на территории Томской епархии образно изложил в начале 1890-х годов протоиерей А. А. Мисюрев, писавший: «В сельских приходах со смешанным населением

православных с раскольниками относятся (по-прежнему) холодно к церкви и к совершаемому богослужению, “грубы и непочтительны к духовенству”, здесь не заметно, чтобы уменьшалось зазорное и незаконное сожительство между собою, вопреки уставам святой церкви. Между тем как в захолустных деревнях “слово вразумления и назидания” глубоко западает в сердце православных сибирских крестьян. Не так благоприятна почва для пастырской проповеди в городах, где “Слово Божие падает при пути и тотчас же озобается птицами”. В глухих деревнях под влиянием христианской проповеди “простые, хотя и невежественные, люди посыпают голову”, по собственному выражению владыки “перетью и плачут слезами умиления и покаяния” <...> Как ни странным может показаться, но в действительности, по мере удаления из деревенской глуши, на пути встречается всё больше и больше нежелательных теней, сгущающихся между собою до чувствительной формы» [13, с. 67].

Большим событием в жизни каждого прихода являлись крестные ходы, наиболее ярко свидетельствовавшие о народном характере православия. Они устраивались по случаю церковных праздников, в честь святых с ношением чудотворных икон, и не только символизировали, но и в действительности демонстрировали единение верующих. В течение многих лет в приходах сложились местные традиции, касающиеся повода и времени их совершения. Так, в г. Кузнецке каждый новый год отмечался крестным ходом одновременно от Спасо-Преображенской и Одигитриевской церквей к р. Томи и его повторением 1 августа. В течение года крестные ходы от тех же храмов организовывались: в день равноапостольных Константина и Елены (21 мая) с хождением до места, где ранее стояла деревянная Одигитриевская церковь; 28 июля – во имя Иконы Богородицы Одигитриевской, и в девятую после Пасхи пятницу – с иконой Святого Пророка Ильи (шествие проходило вокруг всего города); 18 августа в день Фрола и Лавра – из Одигитриевской церкви – к часовне, названной в честь этих святых; на 40-й день после Пасхи (день Вознесения Господня) и 14 сентября (день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня) – к Вознесенской часовне на крепостной горе. Шествия сопровождалась молебнами с коленопреклонением и колокольным звоном.

Избирательное отношение горожан к периодически организуемым крестным ходам в феврале 1866 года выразил благочинный протоиерей Павел Стабников в письме Томскому епископу Виталию: «При постоянном участии в совершении их истинно усердствующие к общественному богослужению могут удовлетворить вполне своему религиозному чувству; а между тем заметно, что и к существующим ходам многие из граждан относятся холодно, это видно из того, что когда совершаются ходы по нижней части города, то немногие из них следуют за Святыми Иконами и служителями церкви, а остаются простыми зрителями – ждали на верхней части города» (см. [18, с. 96–97]).

Представители духовенства принимали участие в местной общественной и культурной жизни. В окружных городах она интенсивнее насыщалась событиями, чем в сельской местности, оставляя человеку больше возможностей для проявления талантов. Заметной фигурой уездного Кузнецка был настоятель Одигитриевской церкви протоиерей Евгений Исаакович Тюменцев, отличавшийся образованностью и широтой интересов. Его стараниями при храме комплектуется обширная по тем временам библиотека, доступная прихожанам для чтения. Успехи священника в разведении цветов и плодовых деревьев, селекции редких и полезных растений стали известны далеко за пределами округа (см. [11, с. 13–14]).

Именно к нему, 28–29-летнему клирику, уже знакомому с романами «Бедные люди» и «Записки из мёртвого дома», проникся Ф. М. Достоевский, в феврале 1857 года приехавший на две недели к своей невесте в Кузнецк. Их душевное общение, наполненное переживанием нарастающих в обществе нравственных проблем, оставило глубокий след в жизни каждого: у классика – в сюжетах, списанных из жизни провинциального Кузнецка и рассказов отца Евгения о местных праведниках Зосиме и Василиске; у священника, совершившего обряд венчания молодых – способствовало дальнейшему развитию духовной и общественной деятельности.

Как человек деятельный, он состоял в переписке с известными садоводами, алтайским краеведом С. И. Гуляевым, являлся членом-корреспондентом Санкт-Петербургского ботанического сада, исполнял должность «градского депутата и увещателя» при ратуше. В 1864 году

по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири назначается преподавателем Закона Божьего в Кузнецкое уездное училище. Благодаря его стараниям уже в должности благочинного было завершено строительство Иверской и Фроловской часовен, нескольких молитвенных домов, в деревнях открывались приходские школы (см. [18, с. 80–81]).

Талантливым проповедником зарекомендовал себя протоиерей Спасо-Преображенского собора Захарий Матвеевич Кротков, по благословению Томского епископа написавший 41 катехизическое поучение. Они предназначались для разъяснения простым людям доступным языком канонических сюжетов с вытекающими нравственными наставлениями. Священники преподавали в церковно-приходских школах. В Кузнецке, например, протоиереи избирались законоучителями и катехизаторами уездного училища, директорами Кузнецкого попечительства о тюрьмах, принимали участие в работе оспенного комитета (см. [19, с. 104–107]).

Приближению жителей удалённых деревень к месту отправления треб объективно способствовало строительство новых храмов. В начале пореформенного периода на территории Мариинского и Кузнецкого округов существенно возросло количество церквей, что духовенством связывалось с активной деятельностью Томских епископов Парфения (1854–1860) и Порфирия (1860–1864). Так, если до 1850 года в Кузнецком уезде функционировало 17 сельских и городских приходов, то за период с 1850 по 1880 год там появилось как минимум 33 новых путём дробления прежних приходов. Соответственно, в Мариинском округе к 11 старым добавились 22 приходских храма, а в южных волостях Томского округа вместо прежних 6 стало 16 [8].

Инициаторами строительства церквей, молитвенных домов и часовен традиционно выступали миряне, направлявшие через благочинного ходатайство епископу с обоснованием их необходимости, гарантиями своего участия в задуманном мероприятии и дальнейшего содержания здания и причта, а также с просьбой о направлении в будущем на новое место священнослужителей.

В подавляющем большинстве это были деревянные сооружения на каменном фундаменте, которые возводились прихожанами в течение 2–5 лет. С каменной церковью весь процесс

мог затянуться до 15 и более лет. Так случилось со строительством с 1848 по 1872 год придела во имя иконы Пресвятой Богородицы «Казанская» при соборе во имя Святого Николая Мирликийского Чудотворца в с. Кийском (Мариинске), сопровождавшимся частой сменой мастеров каменной кладки, церковных старост, медленным сбором необходимых средств с последующими разбирательствами по поводу их использования [6, с. 396–403].

Были случаи, когда инициаторами и финансовыми гарантами становились отдельные прихожане. Так, в феврале 1873 года на имя Бачатского благочинного А. Станкова была подана докладная записка от Степана Васильевича Чебоксарова, отставного (с 1861 года) урядника Гурьевского завода, с просьбой разрешить выделить личные средства на строительство церкви в заводской деревне с населением 1442 человек. Уже 10 ноября 1874 года новая Троицкая церковь была освящена. Всего заявителем было израсходовано 2139 руб. 60 коп., и 622 руб. на приобретение церковной утвари собрали остальные жители. Заслуги В. С. Чебоксарова были отмечены представлением к награждению серебряной медалью, которая должна была пополнить уже имевшуюся коллекцию его наград, состоявшую из серебряной медали на Андреевской ленте – за участие в восстановлении (после пожара 1839 года) Зимнего дворца и светло-бронзовой медали на Владимирской ленте в память о войне 1853–1856 годов [5, с. 35–36].

В Кузнецком крае сложилась общая для Сибири традиция в выборе православного символа, в честь которого освящались храмы. До 1850 года среди 33 сельских и городских приходских церквей 13 носили имя Святого Николая Мирликийского Чудотворца, у остальных названия (за исключением двух Троицких храмов) не повторялись и были посвящены Двенадцатым праздникам: Господским (Рождества Господа, Богоявления, Вознесения Господня, Преображения Господня, Сошествия Святого Духа) и Богородичным (Введения во храм Пресвятой Богородицы, Успения Пресвятой Богородицы); а также в честь великих праздников (Покрова Пресвятой Богородицы), особо почитаемых икон (Спаса Нерукотворного образа, Пресвятой Богородицы «Казанская», Пресвятой Богородицы «Одигитрия Смоленская»), ангельских чи-

нов (Архистратига Михаила), апостолов (Петра и Павла), пророков (Иоанна Предтечи, Илии), великомучеников (Дмитрия Солунского, бесребреников Косьмы и Дамиана, Фрола и Лавра) и святых (Преподобного Онуфрия, Святого Прокопия Блаженного Устюжского Чудотворца, Феодота Исповедника епископа Кириинийского, Святителя Иннокентия Иркутского).

В течение следующих 30 лет новые церкви стали чаще именоваться в честь Святой Троицы (13), Архистратига Михаила (8), Николая Чудотворца (6), Правоверных апостолов Петра и Павла (5).

В прославлении богородичных икон верующие выражали благодарность за принятие Матерью Божьей под своё покровительство новопокорённых сибирских земель и включение их в Святую православную Русь. В пореформенный период эта традиция получила развитие в практике освящения построенных приходских храмов: во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы (2), Успения Пресвятой Богородицы (2), иконы Пресвятой Богородицы «Казанская» (3), иконы Пресвятой Богородицы «Одигитрия Смоленская» (1), и особенно – Покрова Пресвятой Богородицы (6) [8].

Особое отношение жителей Кузнецкого края к Николаю Чудотворцу, закреплённое в названии храмов, было связано с ожиданиями многих поколений простых людей, волей судеб оказавшихся в далёкой Сибири, облегчения страданий в многотрудном деле освоения новых территорий в условиях сурового климата, острого дефицита продовольствия и военной опасности. В молитвах они обращались к Святителю в надежде на заступничество перед властью всеильных воевод, исцеления от физических недугов. С начала XVIII века широко известными стали передаваемые народной молвой чудеса, связанные с выздоровлением пяти «болезных» жителей Томска, совершивших паломничество к местной Семилужской иконе Николая Чудотворца [17]. Жители всего Притомья благоговейно почитали этот образ.

В народном сознании Архангел Архистратиг Михаил – глава небесного воинства и победитель зла, ассоциировался с образом защитника православных перед наступающими силами антихриста. Не случайно в пореформенный период, после унижительного поражения России в Крымской войне 1853–1856 годов, отмеченный

крестьянскими волнениями, серией необходимых, но не всегда удачных в реализации реформ, радикализацией городской молодежи и общим снижением в обществе нравственных барьеров, на территории Мариинского и Кузнецкого округов восьмикратно – с 1 до 9 возросло количество приходских церквей, освященных во имя Архистратига Михаила. В своё время таким же грозным воителем, сражающимся с врагами православия, представлялся верующим Пророк Илья. В течение всего XVII и первой половины XVIII века набеги кочевников (енисейских кыргызов, телеутов и представителей других тюркоязычных групп Притомья) несли с собой реальную опасность для жителей Кузнецка и окрестных волостей. В честь Пророка село Красноярское было переименовано в Ильинское и построена приходская церковь [9, с. 22–23].

Как видим, в пореформенный период Русская православная церковь духовно окормляла

подавляющее большинство населения Кузнецкого края. Заметное увеличение количества храмов повысило их доступность для жителей ранее отдалённых деревень, а в наименовании приходов часто звучал религиозный отклик людей на пережитые события государственного масштаба. Особое место занимал Богородичный культ, с почитанием богородичных икон. Многие храмы помимо традиционного для прихожанина места обращения в молитвах ко Всевышнему и православно-нравственного воспитания превращались в центры обучения грамоте. Традиционное общество, каким являлось население Кузнецкого края, демонстрировало своё стабильное состояние многочисленными примерами добровольных пожертвований церкви, сохранением традиции обязательного посещения служб и исполнения обрядов, участия в церковных праздниках. Тем не менее, в городской среде уже были заметны ростки расслоения на верующих и атеистов.

Литература

1. Адаменко А. М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX века. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 190 с.
2. Беликов Д. Н. Томский раскол. – Томск: Типография П. И. Макушина, 1901. – 247 с.
3. Государственный архив Томской области. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 41.
4. Государственный архив Томской области. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 51.
5. Гурьевск: Страницы истории. – Кемерово: КемГУ, 2008. – 180 с.
6. Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 годы. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 743 с.
7. Инструкция Благочинному приходских церквей // Церковное благоустройство: сб. действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к Духовному Ведомству. – М., 1901. – С. 98–120.
8. Коллекция метрических книг (фонд Д-60) Государственного архива Кемеровской области / авт.-сост. А. М. Адаменко. – Кемерово, 2008. – 68 с.
9. Конюхов И. С. Кузнецкая летопись. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. – 78 с.
10. Костров Н. А. О расколе в Томской губернии // Томские епархиальные ведомости. – 1883. – № 17. – С. 497–503.
11. Макарьева Е. Б. Участие православного духовенства в развитии светского образования и формировании социокультурной среды дореволюционного сибирского города // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2010. – № 2 (42). – С. 10–15.
12. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX века. – Новосибирск: Наука, 1975. – 308 с.
13. Мисюрев А. А. Краткий историко-статистический очерк Томской епархии. – Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1897. – 76 с.
14. Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. – Томск: Губернская типография, 1871. – 286 с.
15. Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. – Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1884. – 175 с.
16. Римский С. В. Российская церковь в эпоху Великих реформ. – М.: О-во любителей церковной истории, 1999. – 568 с.
17. Сказание о явлении образа святителя Христова Николая Чудотворца града Томска в веси Семилужской, еже бысть в лето от Р. Х. 1702 год // Томские епархиальные ведомости. – 1881. – № 6. – С. 83–89.
18. Тресвятский Л. А., Шадрина А. С. Очерки по истории православия в Сибири (региональный аспект). – Новокузнецк: ИПК, 2004. – 105 с.

19. Шадрина А. С. Из истории благочиния № 14 и православные храмы Кузнецкого края // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1999. – Вып. 3. – С. 99–117.
20. Шадрина А. С. Ильинская церковь и её приход [Электронный ресурс]. – URL: <http://ipk-cdnvio.narod.ru/rods1.htm> (дата обращения: 06.12.2016).
21. Щёголев М. К вопросу о материальном обеспечении духовенства Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. – 1885. – № 7. – С. 17–20.

References

1. Adamenko A.M. *Prikhody Russkoy pravoslavnoy tserkvi na yuge Zapadnoy Sibiri v XVII nachale XX veka [Arrivals of Russian Orthodox Church in the south of Western Siberia in XVII – the beginning of the 20th century]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2004. 190 p. (In Russ.).
2. Belikov D.N. *Tomskiy raskol [Tomsk split]*. Tomsk, Tipografiya P.I. Makushina Publ., 1901. 247 p. (In Russ.).
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti [State Archive of Tomsk Region]*, F. 243, Op. 1, D. 41. (In Russ.).
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti [State Archive of Tomsk Region]*, F. 243, Op. 1, D. 51. (In Russ.).
5. *Guryevsk: Stranitsy istorii [Guryevsk: Pages of history]*. Kemerovo, KemGU Publ., 2008. 180 p. (In Russ.).
6. Ermolaev A.N. *Uezdnyy Mariinsk. 1856–1917 gody [District Mariinsk. 1856-1917]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2008. 743 p. (In Russ.).
7. *Instruktsiya Blagochinnomu prikhodskikh tserkvey [Instruction Decent parish churches]. Tserkovnoe blagoustroystvo: sbornik deystvuyushchikh tserkovno-grazhdanskikh zakonopolozheniy, otnosyashchikhsya k Dukhovnomu Vedomstvu [Church accomplishment: a collection of the existing church and civil legal provisions relating to the spiritual department]*. Moscow, 1901, pp. 98–120. (In Russ.).
8. Adamenko A.M. *Kollektsiya metriceskikh knig (fond D-60) Gosudarstvennogo arkhiva Kemerovskoy oblasti [Collection of registers of births (D-60 fund) of the State archive of the Kemerovo region]*. Kemerovo, 2008. 68 p. (In Russ.).
9. Konyukhov I.S. *Kuznetskaya letopis' [Kuznetsk chronicle]*. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1995. 78 p. (In Russ.).
10. Kostrov N.A. O raskole v Tomskoy gubernii [About split in the Tomsk province]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti [Tomsk Diocesan Gazette]*, 1883, no. 17, pp. 497–503. (In Russ.).
11. Makarcheva E.B. Uchastie pravoslavnogo dukhovenstva v razvitii svetskogo obrazovaniya i formirovaniy sotsiokul'turnoy sredy dorevolutsionnogo sibirskogo goroda [Participation of orthodox clergy in development of secular education and formation of the sociocultural environment of the pre-revolutionary Siberian city]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, 2010, no. 2 (42), pp. 10–15. (In Russ.).
12. Minenko N.A. *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII pervoy polovine XIX veka [Northwest Siberia in XVIII – the first half of the 19th century]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975. 308 p. (In Russ.).
13. Misyurev A.A. *Kratkiy istoriko-statisticheskiy ocherk Tomskoy eparkhii [Short historical and statistical sketch of the Tomsk diocese]*. Tomsk, Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina Publ., 1897. 76 p. (In Russ.).
14. *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1871 god [The memorable book of the Tomsk province for 1871]*. Tomsk, Gubernskaya tipografiya Publ., 1871. 286 p. (In Russ.).
15. *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1884 god [The memorable book of the Tomsk province for 1884]*. Tomsk, Tipolitografiya Mikhaylova i Makushina Publ., 1884. 175 p. (In Russ.).
16. Rimskiy S.V. *Rossiyskaya tserkov v epokhu Velikikh reform [The Russian church during an era of Great reforms]*. Moscow, Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii Publ., 1999. 568 p. (In Russ.).
17. Skazanie o yavlenii obraza svyatitelya Khristova Nikolaya Chudotvortsya grada Tomsk v vesi Semiluzhskoy, ezhe byst' v leto ot R. Kh. 1702 god [The legend of the miraculous appearance of the image of St. Nicholas in the city of Tomsk to the village of Semiluzhskaya, which occurred in the summer, from Christmas, 1702]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti [Tomsk Diocesan Gazette]*, 1881, no. 6, pp. 83–89. (In Russ.).
18. Tresvyatskiy L.A., Shadrina A.S. *Ocherki po istorii pravoslaviya v Sibiri (regional'nyy aspekt) [Sketches on Orthodox history in Siberia (regional aspect)]*. Novokuznetsk, IPK Publ., 2004. 105 p. (In Russ.).
19. Shadrina A.S. Iz istorii blagochiniya № 14 i pravoslavnye khramy Kuznetskogo kraya [From history of deanery No. 14 and Orthodox churches of the Kuznetsk region]. *Kuznetskaya starina [Kuznetsk old]*. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1999, vol. 3, pp. 99–117. (In Russ.).
20. Shadrina A.S. *Il'inskaya tserkov i ee prikhod [Ilyinsky church and its arrival]*. (In Russ.). Available: <http://ipk-cdnvio.narod.ru/rods1.htm>.
21. Shchegolev M. K voprosu o material'nom obespechenii dukhovenstva Tomskoy eparkhii [To a question of material security of clergy of the Tomsk diocese]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti [Tomsk Diocesan Gazette]*, 1885, no. 7, pp. 17–20. (In Russ.).